

Дарья Волкова
ТРУБАДУРА

18+

Романтика с веселой приправой (АСТ)

Дарья Волкова

Трубадура

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волкова Д. А.

Трубадура / Д. А. Волкова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Романтика с веселой приправой (АСТ))

ISBN 978-5-17-159351-3

Тура Дурова – девушка нелёгкой судьбы. Она настоящий боец, отбивающий удары из последних сил, но не допускающий мысли о том, чтобы сдаться. Степан Кузьменко – звезда отечественного спорта, красавец и нахал. Жизнь его тоже не баловала. Но судьба подкинула им пару козырей. Тура и Степан становятся настоящими друзьями, проходят через серьёзные испытания, запутываются в своих любовных проблемах, переосмысливают прошлое, но помогают себе и другим жить по-настоящему и снова обретают вкус к жизни. Они понимают, что время от времени полезно делать паузу в погоне за счастьем, что счастье зависит только от них самих...

УДК 821.161.1

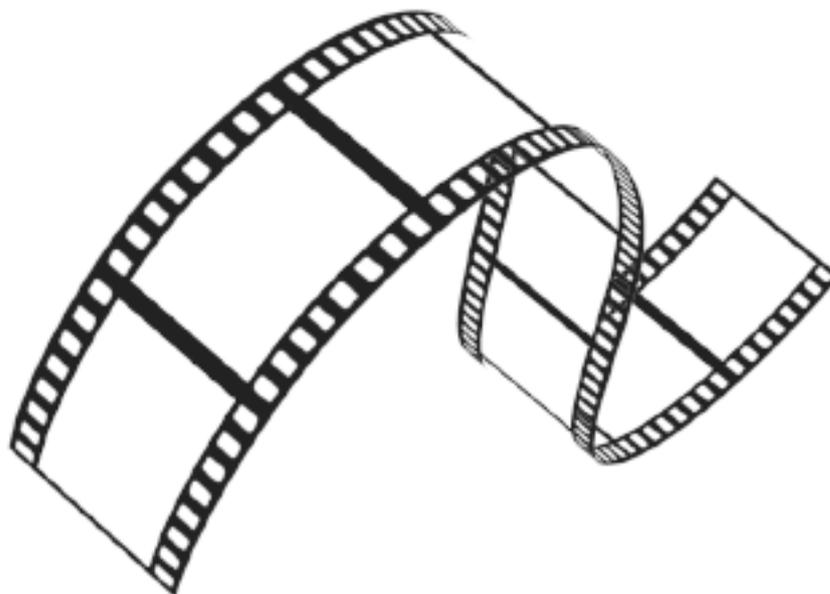
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159351-3

© Волкова Д. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Кадр первый. Луис Бунюэль	6
Кадр второй. Клод Лелуш	12
Кадр третий. Куросава	18
Кадр четвертый. Антониони	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дарья Александровна Волкова

Трубадура

© Д. Волкова, 2023.

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Кадр первый. Луис Бунюэль

В черно-белой, слегка дрожащей картине чувствуется сдержанная энергетика Луиса Бунюэля. А если не чувствуется – вдохните еще раз.

Ранний сырой петербургский вечер.

Фигура девушки, в которой чувствуется усталость и тоска. Хрупкие натруженные плечики, она светловолоса, в руке тяжёлый пакет.

Фигура юноши легка. Он бежит. Почти летит, свободно, изящно. Он отталкивается от твёрдого темно-серого асфальта сверхлёгкими кроссовками ярко-бирюзового цвета. Юноша почти парит над асфальтовой свинцовой влажностью с вкраплениями вековой меди кленовых листьев.

Однако отставим в сторону лирику. Это всего лишь беговая дорожка на стадионе рядом с Государственным университетом физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта. И вот владелец бирюзовых кроссовок покидает стадион. Его ждёт неожиданная встреча.

Юноша любит бегать в центре Петербурга. Ему нравится унылый серый город, надменные дома, каждый из которых непременно историческая ценность и культурный памятник. Любит припечатывать своими яркими кроссовками холодный гранит набережных, попадая в ритм с суровой северной рекой, так резко контрастирующей с теми местами, где он вырос. Этот гранит, эта мглистая река и этот строгий город признали его. Но он всё равно каждый раз припечатывал его улицы подошвами, давая понять, кто тут главный.

А для девушки это был обычный вечер. Знакомое возвращение после рабочего дня. Привычная колея дороги домой. Она и по сторонам-то не очень глядела. И вдруг...

В наушниках юноши задавал ритм сочный вокал какого-то талантливого уроженца чёрного континента. Бирюзовые кроссовки чётко повторяли этот ритм. Правая-левая, туц-тудуц-туц-туц.

Парень врзался в девушку. Можно сказать, на полном скаку врубился. Словно слепой, словно не видел ничего перед собой. Или не слышал. Но все-таки видеть – важнее. А он непостижимо – не увидел. Не заметил.

А вот она, падая, разглядела кое-что. Серая толстовка, серые спортивные штаны, яркие бирюзовые кроссовки. Копна черных кудрей и серебристые наушники, приминающие волосы. А еще удивлённые тёмные глаза. Она грохнулась на асфальт, больно ударившись коленом.

Парень не понял, как это произошло. Нет, ну, то есть ничего неожиданного не предвещало. Бежал, слушал музыку. Правая-левая, туц-тудуц-туц-туц. И непонятно каким образом вдруг под ногами оказалось тело, о которое он споткнулся. В общем, зазевался, как ни крути.

Из порванного от удара пакета выкатились апельсины, оказавшиеся необыкновенно яркими на тускло-матовой серости асфальта. Он услышал: «Скотина!» – и громкий всхлип.

Девушка сидела в метре от него среди оранжевых апельсинов, тёрла колено, всхлипывала и, кажется, ругалась.

Парень наклонился к ней.

– Скажите... Вам нужна помощь?

Тут ему доходчиво объяснили всё про него самого и предложенные услуги. Несчастный вид пострадавшей, шмыганье носом и потёкшая тушь растопили мужское сердце, поэтому рука помощи была протянута. И даже принята. Девушка оказалась невесомой – он поднял ее с асфальта без малейшего усилия. Она вообще показалась юноше какой-то нереальной – слишком хрупкая, слишком изящная, а волосы просто белые. Она подняла на него глаза. Он никогда не видел раньше таких глаз – на грани темно-голубого и светло-синего. Ни то ни другое. Где-то между. А когда она поднялась, он разглядел мелкую лёгкую россыпь веснушек.

– Смотреть надо куда прёшь! – Девушка старательно грубила, словно домашнее задание демонстрировала.

– Извините.

Апельсины на ощупь оказались пупырчатыми, зато в ладонь ложились ладно.

– В жопу себе засунь извинения.

– Пакет порвался.

Она фыркнула:

– Да неужели? Из-за тебя!

– Верно, – согласился он безропотно. – Виноват. Вы далеко живёте?

– Вот! – Пальчик из обрубка тёмно-серой митенки практически обличительно ткнул в неприметную облезлую дверь, которую язык не поворачивался назвать «парадной», но она такой и являлась.

– Помочь?

– Зачем же? – процедила она сквозь зубы.

Изящной рукой девушка резко очертила окружность на асфальте, на которой уместились россыпь апельсинов, пачка печенья, упаковка гречки, что-то еще непонятной формы в блестяще-шуршащей фольге. Порванный пакет с тихим шорохом, подталкиваемый ветерком, тихо сбегал вдоль по улице.

– Сама прекрасно справлюсь.

Парень в спортивном костюме вздохнул, снял серебристые наушники с шеи и решительно стянул с себя толстовку, явив сырому питерскому сентябрю лёгкую футболку. Из толстовки была сооружена импровизированная авоська, в которую и сложили фрагменты нечаянного уличного натюрморта.

Дверь перед случайным носильщиком открылась с крайне недовольным и даже презрительным скрипом. Парадная внутри оказалась еще более питерской, чем снаружи. Стены и лестница эпохи Достоевского, потолок и того раньше.

Этаж третий, дверь черного дерматина – уже не достоевской, а советской эпохи. Замок лязгнул премерзко, дверь проскрипела в унисон – и всё в полном соответствии с окружающей обстановкой.

За дверью было темно, затхло, пахло лекарствами, какой-то едой и, странно, чем-то, похожим на индийские благовония. Почему-то казалось, что сейчас под ноги бросится большой черный кот, но, когда зажглась тусклая лампа под потолком, стало ясно, что встречать их никто не вышел.

– Туда, – махнула девушка вдоль узкого коридора, сплошь чем-то уставленного и увешанного.

Парень шагнул вслед за ней, смело отогнав мысли, что надо разуться. На старый облезлый пол было страшно ступать чистыми носками.

В направлении «туда» обнаружилась кухня. Стены, окрашенные тёмно-зелёной масляной краской, были расписаны цветочками и божьими коровками – судя по стилистике, работал ребёнок лет пяти. Кухня была укомплектована окном с облупившейся краской, раковиной с ржавыми подтёками, урчащим круглобким холодильником. В углу притулилась старинная стиралка, на полке стояла микроволновка.

– Ставь на стол.

По крайней мере, чистый. Парень аккуратно развязал рукава и принялся вынимать продукты.

– Дед, я дома! – раздалось громкое за спиной. – Сейчас будем чай пить!

Он обернулся и посмотрел на хозяйку.

Худенькая, в расстёгнутом бесформенном пальто-бушлате. Невысокая. Волосы и в самом деле просто белые-белые, как у куклы. И глаза тоже как у куклы – круглые, яркие, словно фарфоровые. Личико – словно белое пятно – ни бровей, ни ресниц. Чуть розовая полоска губ.

– Чего уставился? – Девушка всё так же старательно и всё так же неуверительно грубила, ставя на голубой цветок газа чайник. – Надевай свою кофту и вали отсюда. Спасибо... за помощь.

– Да не за что.

Он ответил на автомате и повернулся к двери на шаркающие шаги.

Кажется, старик держался вертикально только благодаря костюму. Из тяжёлой темной ткани пиджак стоял колом и держал находившееся внутри худое старое тело. Однако стоял дед ровно и без опоры. И глаза из-под густых белых бровей смотрели очень цепко. Венчик седых волос, торчащие уши и слуховой аппарат довершали картину.

– Здравствуйте. – Голос старика едва ощутимо дрожал, но звучал чётко и громко. Он протянул руку. – Профессор Дуров Павел Корнеевич. С кем имею честь?

С ответом пришлось замешкаться, потому что в руках была толстовка, и то ли ее надевать, то ли на рукопожатие отвечать – непонятно. Выбрал второе, перекинув толстовку через руку.

– Кузьменко Степан... Аркадьевич.

Рукопожатие у дряхлого профессора оказалось вполне себе крепким, и Степан вдруг добавил: – Студент. Учусь неподалёку. В Лесгафте. Последний курс.

– Ага, ага... – закивал дедок. – Я там кое-кого знал и... А впрочем, что же мы на кухне? Прощу с нами чай пить. Турочка, я пошёл чашки и ложки доставать.

– Дед, я сама... – Слова беловолосой девушки полетели уже вслед.

Профессор довольно бодро поковылял из кухни.

– Эх... – махнула она рукой. – Перебьёт опять половину. А ты чего стоишь? Выход там.

– Меня чай пригласили пить.

Она сначала хотела что-то сказать, даже рот открыла. А потом вздохнула. И произнесла устало:

– Тогда помогай.

– Слушай, – Степан искал в холодильнике затребованные маслёнку и сыр. – А как он тебя назвал... дурочка? Или мне показалось?

– Сам ты дурочка! – Она вернулась с заварочным чайником. – Ту-ро-чка.

– В этом же... кофе варят? – спросил он неуверенно.

Маслénка нашлась, сыра он в упор не видел.

– Или турочка в смысле... национальности?

– Тура – в смысле имени!

Чайник накрыли тряпичной курицей из лоскутков.

– Зовут меня так. Ту-ра.

– Это какое имя? – Степан даже оторвался от недр холодильника и оперся на дверцу, в ответ на что белый хлипкий монстр не преминул качнуться.

– Аккуратнее! – прикрикнула на незваного гостя хозяйка квартиры. – Человеческое это имя.

– Не русское какое-то. – От неожиданности он вдруг обнаружил-таки на дверце сыр.

– И что?

– А какое?

– Любопытному... Стёпе на базаре дали по... попе.

Он хихикнул:

– Не, ну если это секрет...

– Не секрет! – Степану в руки вручили поднос с чайником, маслёнкой и сыром. – Первая дверь напротив. Отнеси, поставь всё на стол и возвращайся с подносом. – И, уже в спину: – Отец у меня норвег.

Норвег... Или правильно – норвежец? Да всё равно – тогда понятно, откуда эти волосы белые. Наверное, настоящие.

За первой дверью оказалась комната, сплошь заставленная полками с книгами. А еще там были пианино, буфет, огромный круглый стол и громоздкие деревянные стулья. Передвигаться в этой комнате Стёпа мог только аккуратно и боком. На краешке стола профессор Дуров расставлял белые с красным узором чашки. Никаких осколков, вопреки опасениям Туры – вот же имечко! – не было видно.

– Ставьте сюда, Степан Аркадьевич! – засуетился профессор.

Сгрузив поклажу на стол, Степан Аркадьевич снова вернулся на кухню. По имени-отчеству его называли только во время медкомиссии.

На кухне дочь гордых норвегов резала колбасу, и Стёпа вдруг понял, что голоден. И что колбаса к чаепитию кстати.

– Печенье в вазу пересыпь, – получил он очередную команду.

Под шорох пакета он задал вдруг неожиданный даже для себя вопрос:

– А вы тут вдвоём живете... с дедом?

– Втроём.

– А кто третий? – Стёпа покрутил головой в поисках мусорного ведра и, найдя его, точным броском отправил туда скомканную упаковку из-под печенья.

– Вы из паспортного стола?

Колбаса на тарелке была разложена по безупречной округности, и желудок дал понять, что был бы не прочь ее попробовать.

– Не. Ну если и это секрет...

Она стрельнула в него косым взглядом. Глаза у нее яркие – невероятно. Как будто нарисованные на белом листе. Светлые, но яркие – бывает же такое.

– С нами еще живёт Елена Павловна.

– Это дочь Павла Корнеевича? – проявил чудеса сообразительности Степан.

– Угу. И моя... мать.

Паузу и интонацию было невозможно не заметить, но как отреагировать – Стёпа не знал. Поэтому решил продолжить задавать вопросы на тему, которая ему вдруг стала очень интересна. Квартира огромная, коммуналка, комнат шесть минимум. Живут втроём. А Степкин родной институт – в соседнем дворе. Экономия времени колоссальная просто, совсем другой порядок, чем сейчас, когда Степану приходится добираться из съёмной квартиры от станции метро «Парнас». В свое время прижимистый Стёпа снял квартиру именно там, в новостройке, на конечной станции Московско-Петроградской линии, а потом всё не доходило руки заняться поиском другого жилья – хотя экономия вышла боком, это он уже понимал. А тут – само в руки пришло. Идеальный вариант. Институт – рядом. До тренировочной базы – семь остановок на автобусе. Всё рядом, всё близко.

– Слушай... А вы комнаты не сдаёте?

– Нет, – ответ прозвучал резко. – Иди, носи печенье и чайник.

– А почему? – Стёпа подпёр плечом косяк, удерживая поднос одной рукой. – Места у вас тут много, а деньги, по-моему, вам лишними не будут. То есть...

Хозяйка квартиры молчала, но Стёпка сам сообразил, что выразился не самым удачным образом.

– Я хотел сказать, что деньги вообще лишними не бывают. А я... ну ты же поняла, что я про себя спрашиваю... Я бы у вас комнату снял. Потому что...

– Дед против посторонних людей в квартире. Пошли.

За столом дед завёл непринуждённый разговор:

– А вы на каком факультете учитесь, Степан Аркадьевич?

– А... кхм... это... – Стёпа отложил надкушенный бутерброд. После пробежек аппетит всегда зверский. – Здоровья и реабилитологии.

– Вот как? Похвально.

Степану налили еще чаю, расплескав не больше четверти на блюдце. Тура едва слышно вздохнула, но промолчала.

– Стало быть, медициной интересуетесь?

– Спасибо, – Степан взял чашку. – Вроде того. На кафедре спортивной медицины как раз.

– Слышал, слышал... А что же, профессор Лягинцев у вас преподаёт? Помнится, у нас с ним в свое время была знатная полемика... по некоторым вопросам.

Фамилию Степан слышал. Примерно в том контексте, что и про царя Гороха. То есть этот Лягинцев преподавал в институте очень давно.

– По-моему, уже нет, – осторожно ответил Стёпа и осторожно же пригубил чай.

– Ну да, – неожиданно грустно согласился Дуров. – Он же старше меня лет на пятнадцать. Умер, наверное. Это я всё задерживаюсь. Надоел всем, да всё никак не уйду.

Внучка профессора метнула на Степана яростный взгляд. Прожгла просто насквозь. Да что он такого сказал? Не специально же, и вообще, не он этот разговор начал. Но неловкость исправить следовало немедленно. И, кстати...

– Павел Корнеевич, а вы, случайно, комнаты студентам не сдаёте?

Дочь гордых норвегов застыла с чашкой в руке на грани сильнейшего возмущения и крайнего изумления – видимо, и то, и другое относилось к Стёпкиной наглости. А вот профессор Дуров, кажется, ничуть не удивился вопросу.

– Вы о себе хлопчете, Степан Аркадьевич?

– Да. Я не местный. Снимаю жилье, но далеко от института. Мне было бы очень удобно жить рядом с институтом. Я... – тут Степан вдруг ощутил, что южная горячая кровь у него разыгралась, и сейчас его куда-то понесёт. Но остановиться уже не мог – заговорил чуть громче и запальчиво: – Я очень необременительный жилец, точно вам говорю! У меня день весь расписан – занятия, тренировки, приходиться буду только на ночь практически. Не курю, не пью, веду здоровый образ жизни. По дому, если что-то надо, с удовольствием помогу – у меня руки из нужного места растут.хлопот, в общем, не доставлю.

Степан перевёл дыхание. Быстренько соображал, что бы еще добавить к беспардонной рекламе себя любимого? Добавлять оказалось ничего и не нужно.

– Хорошо, – кивнул Павел Корнеевич. – Почему бы, в самом деле, не сдать комнату хорошему человеку, особенно если ему надо? Все детали обсудите с моей внучкой. Турочка, я у себя – поработать надо. Степан Аркадьевич, до встречи. – Старый профессор с трудом поднялся со стула.

Неизвестно, кого эти слова старого профессора изумили больше. За столом после ухода Дурова стало на какое-то время тихо. Стёпа смотрел на Туру. Тура смотрела в чашку. А потом строго посмотрела ему в глаза.

– Ну, хороший человек... Ну ты... – покачала головой. – И откуда взялся только такой шустрый?

– Слушай... Ну правда, что такого-то? – Стёпа звякнул чашкой о блюдце. – Я реально буду только спать приходиться. Не курю, не бухаю, девок водить не стану. Скорее всего, буду часто отсутствовать – много приходится ездить. Чего не так-то?

– Да всё так. – Она неожиданно усмехнулась. И лицо сразу преобразилось, став почти симпатичным. – Не поверишь, но я несколько лет деда уламывала сдать комнату. Потому что деньги очень нужны. А он всё никак, типа, я работаю, мне чужие мешать будут. Хотя какая

там работа – ему уже восемьдесят четыре, там не работа, а так, придумывает себе занятие, но... – Она пожала плечами. – В общем, я махнула рукой на него. Без дедова согласия всё равно ничего не сделать, потому что квартира принадлежит ему, а он ни в какую. А тут раз – и вдруг всё поменялось! Не колдун ли ты часом, Степан Аркадьевич?

– Да не, не колдун. Я только учусь. – Он тоже улыбнулся. А как всё складывается удачно-то, а? – Замечательно придумал Павел Корнеевич, повезло мне. А комнату можно посмотреть? И сколько денег хотите?

– Если наелся – пошли.

Стёпа не наелся, но надо ковать железо, не отходя от кассы.

Комната оказалась небольшой. Но не в этом была проблема. Уличного света из грязного окна – с гулькин нос, потому что весь подоконник уставлен огромными, пыльными и подсыхающими растениями. Покрытым слоем пыли и выцветшим был и огромный абажур – в лучшие свои годы, наверное, жёлтый. Ободранное кресло в углу завалено каким-то тряпьем и книгами. Книги заполняли и всё остальное пространство комнаты, за исключением кровати. Кровать была узкой – это полбеды, но оказалась короткой – у Степана на это глаз намётан.

– Слушай, как-то тут...

– Я наведу порядок, – торопливо ответила Тура. – Пару дней мне дай – разгребу. Тут не жил никто чётк знает сколько лет. Это комната Клары Корнеевны, сестры деда.

– Ага, хорошо. Значит, мне заселяться можно послезавтра.

– Только давай к вечеру, – вздохнула она.

Потом они практически без торга сошлись в цене. Потом Степан на правах почти жильца помог Туре убрать со стола. И попутно еще пару печений умять и чай допить.

– А ты на кого учишься? – Она аккуратно складывала чашки в раковину.

– Для галочки я учусь, – отмахнулся Стёпка. – Чтобы корочки были. На жизнь этим пока не заработаешь. А в перспективе с прицелом на тренерскую работу.

– А чем ты сейчас на жизнь зарабатываешь, хороший человек Степан Кузьменко? По карману ли тебе наша роскошная жилплощадь?

– Я либеро.

– Подгузниками торгуешь?

Стёпка поперхнулся очередной печенюшкой.

– При чем тут подгузники?

– Ну, – она невозмутимо пожала плечами и принялась тереть губкой чашки. – Такие подгузники есть. Фирмы «Либеро».

– Либеро – это защитник в волейболе, – отчеканил Стёпа. – Я – либеро волейбольного клуба «Питер-болл». Между прочим, очень хороший либеро, – добавил он почти с обидой.

Подгузники, тоже придумала! И это про него, Степана Кузьменко по кличке Коса, самого перспективного игрока клуба за прошлый год! Его, между прочим, у «Олимпиакоса» со Стёпкиной, практически, исторической родины за весьма несмешные деньги перекупили. Но это Стёпа не сказал вслух. Просто не успел. Потому что к их диалогу присоединилось третье лицо. И оно оказалось не профессором Дуровым.

Кадр второй. Клод Лелуш

В черно-белой картинке появляются цветные кадры. «Как у Клода Лелуша», – скажет знаток. Может, и так. А все-таки, справедливости ради – подобной мерзости у Лелуша не было.

Юноша был чудо как хорош. От самой макушки до пят. Смоляные – вот иначе и не скажешь – кудри. Глаза – что за дурацкие ассоциации лезут в голову, но снова иначе не скажешь – трепетной лани. Ровный прямой тонкий нос. Губы узковаты, но пусть. Зато всё остальное как по заказу. Рост – гренадерский, под два метра. Плечи широкие, спина как по линейке, талия почти девичья, узкая. Руки и грудь приятно радуют женский глаз эффектным рельефом. Попа – орех, спортивные штаны подчёркивают весьма определённо. И спереди мальчик одарён недурно, это штаны тоже не скрывают, а у Елены на такие вещи глаз-алмаз. В общем, весь так и дышит адреналином и тестостероном. Превосходный образчик молодого сильного самца. И откуда только такая прелесть и радость взялась на их облезлой кухне?

– Добрый вечер, – поздоровалась дама.

– Здравствуйте, – ответил Стёпа вежливо.

Судя по всему, это и была проанонсированная Елена Павловна. Выглядела она молодаво, если, конечно, это была мамаша Туры, но у женщин с определением возраста вообще всё сложно.

– Дурова Елена Павловна. – Она протянула Степану руку. Похоже, что на предмет поцелуя. – Для друзей просто Елена.

Протянутую руку Степан осторожно пожал. Самые кончики пальцев. Они были холодные. Взгляд, брошенный на Степана, тоже стал заметно прохладнее. Видимо, экзамен на хорошие манеры Стёпка провалил. И руку не поцеловал, и имя называть не торопился. Не знал даже почему, ведь профессору сообразил представиться, а тут вот смолчал.

– Тура, ты не представишь мне молодого человека?

Тура демонстративно протирала чашки полотенцем. Ответила не сразу.

– У молодого человека есть язык, сам, если захочет, назовёт своё имя. Может, он не хочет.

– Да я не хочу... В смысле, хочу... То есть... – Стёпа окончательно запутался и почёл за лучшее просто назваться. – Степан Кузьменко.

– Какое у вас редкое имя, – пропела Елена Павловна. – Редкое, красивое и мужественное. Очень вам подходит, Степан.

Стёпка продолжал тупить, и дама после паузы добавила:

– А меня все называют Елена Прекрасная. Думаю, нетрудно догадаться почему, правда?

У Стёпы был не очень богатый опыт в подобных ситуациях – это когда женщина существенно старше тебя так откровенно лапает взглядом. Просто возникает желание прикрыть ладонями пах. Но все ж таки сообразил, что к чему. И включил идиота уже сознательно и на полную катушку.

– Не соображу что-то.

Тут уж Стёпку одарили совсем нехорошим взглядом. И сквозь звук льющейся воды ему послышался смешок.

– Вы извините, пожалуйста, – фактуру следовало выдерживать до конца. – Мне просто часто мячиком по голове прилетало. Поэтому я иногда... не очень умный.

Теперь смешок был очень явный. Елена Павловна метнула неодобрительный взгляд в сторону раковины.

– Вы друг Туры?

Стёпа молчал. Тура молчала. Елена Павловна молчала. Вода лилась.

Судя по всему, блондинка норвежская не собиралась вводить мать в курс дела, поэтому пришлось Стёпе проявлять самостоятельность, сообразительность и включать фантазию.

– Ну... в некотором роде. Я ваш новый жилец.

– В каком смысле? – На губах женщины еще жила своей отдельной жизнью кокетливая улыбка. А в глазах уже отражался нешуточный мыслительный процесс.

– В смысле комнату буду здесь снимать.

– Тура?!

Интонация была столь неприятной, пронзительной и вздорной, что Стёпке захотелось тут же уйти. А вот на девушку это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Она невозмутимо пожала плечиками.

– Все вопросы к деду. Его решение.

– А где вы познакомились с моим отцом? – Взгляд, обращённый на Стёпу, стал совсем другим – ледяным, цепким.

– А-а-а... – на этом слова закончились. – Ну... так вышло, что я...

– Степан Аркадьевич помог мне донести продукты из магазина. Остался пить чай и совершенно очаровал деда своим интеллектом и манерами.

Чёрт! Стёпа вперил хмурый взгляд в девчачью спину в черной футболке. Но Тура не обернулась. А вот Елена Павловна соизволила прошипеть. И Стёпа не сразу сообразил, что слова адресованы не ему.

– Ясно. Деньги, конечно, ты прикарманишь.

– Разумеется. – Голос у Туры ровный-ровный.

– Я пойду поговорю с отцом! – В отличие от голоса дочери, голос матери прозвучал кардиограммой при синусовой аритмии. На грани истерики.

– И я тоже пойду, – заторопился Стёпа, как только не пойми чем разъярённая Елена Павловна покинула кухню.

– Давай, – Тура наконец-то обернулась от раковины. – Только номер телефона запиши мой.

В адресной книге Стёпа для краткости назвал свою новую знакомую «Ту».

– Ну, и как ты это провернула?

Тура не стала оборачиваться. Методично расставляла тарелки и раскладывала вилки. Всё по своим местам. Как любит дед.

– Ты собираешься мне отвечать? – В голосе матери послышалось требование.

– Я не слышу вменяемых вопросов.

Судя по тому, как скоро вернулась Елена Павловна из комнаты отца, Павел Корнеевич не стал утруждать себя объяснениями. Впрочем, как обычно.

За спиной Туры мать театрально и громко вздохнула.

– Ну что же... По крайней мере, парень вроде приличный. Не гастарбайтер какой-нибудь.

Тура закончила наводить порядок на кухне. Теперь нужно прикинуть объём работы в комнате, которую они планируют сдавать. А начать уже завтра. Сегодня сил нет. Десять часов рабочего дня, капризные клиентки, истеричная хозяйка... Нет, сегодня нужно спать. Ну, может быть только кресло вот разобрать. И книги вынести.

– А сколько ему лет?

Тура вздрогнула. Оказывается, Елена Павловна увязалась за ней следом и теперь стояла в дверях и брезгливо оглядывала пыльную и грязную комнату.

– Паспорт не спросила, извини.

– А надо было! – Тон Елены Павловны стал до безобразия назидателен. – Пускаешь в дом не пойми кого. Вот прирежет нас ночью в постелях...

– Ты себе противоречишь. – Тура старалась сосредоточиться на уборке, а не на разговоре. Так проще.

– Но паспорт спросить надо было обязательно!

– Вот заселяться придёт – и спрошу. И копию сниму. Может, он еще передумает.

– Так-то лучше. Всему вас с отцом надо учить, – удовлетворённо вздохнула Елена Павловна. – Степан... Стёпочка. Наверное, хороший мальчик. Красивый, сильный.

Тура выдохнула. Вдохнула. Повторила. Впустую. Все-таки допекла мать. Пробила.

– Елена Павловна, вы бы свою нимфоманию подлечивали хоть иногда. Перед людьми стыдно. – Тура порадовалась, что голос прозвучал ровно, без раздражения.

Елена Павловна расхохоталась – громко и неискренне. Как всегда. Напоказ. Поправила рыжую прядь.

– Я не перестаю удивляться, как у такой красивой, элегантной и созданной для любви женщины родилась такая дочь, как ты. Невзрачная, холодная...

– Фригидная, – подсказала Тура, снимая последнюю стопку книг с кресла. Под ними оказалась россыпь какого-то мелкого мусора неясного происхождения.

– Фригидная, – согласилась мать. – У мужчин при виде тебя опускается всё. Неужели ты не понимаешь, что реализация своей женской сущности – важнейшая часть жизни. А ты...

– Я позвоню на Пряжку, узнаю, как у них там с местами.

Елена Павловна скривилась.

– У тебя, наверное, в этой психиатрической больнице еще остались знакомые. Из числа больных. Или персонала. Твой же профиль.

– Я не лежала на Пряжке! – Тура на секунду зажмурилась. Собраться. Не позволять делать себе больно. – Там нет детского отделения. Хотя откуда тебе знать. Ты же в то время была занята чем-то другим, более важным. Вот дед помнит.

– Какая же ты странная. Нелепая. Упрямая. И как с тобой трудно. Ты прямо как... – на секунду мать замялась, – ...как Ларс.

– Ага, только без бороды. – Тура чувствовала, что ее «закусило», но усталость, накопившееся раздражение и внезапные перемены не давали шанса остановиться.

– Ты – вылитый отец! – не отставала мать. – И с тобой так же невозможно разговаривать! Совершенно невоспитуема.

– Именно поэтому ты и оставила меня ему, так?

– У меня не было выбора. – Елена Павловна поёжилась, поправила рюши на вороте красной атласной блузки. – Это кошмарный человек, просто неотёсанный чурбан. С ним невозможно было жить такой тонко чувствующей женщине, как я.

– И проще было сбежать и оставить маленькую дочь с ним, верно?

– Он любил тебя.

– Наверное. – Тура попыталась успокоиться. Не очень успешно. – Я не помню.

– Нельзя быть такой злопамятной! – перешла в атаку мать. – Ты осталась в благополучной стране у отца, который был весьма небедным человеком! И мог тебя обеспечить материально.

– Он пил.

– Совсем немного!

– А вот сотрудники норвежской службы опеки посчитали иначе. И когда он нечаянно, конечно нечаянно, он был просто пьян, и злого умысла не было – оставил меня на улице зимой в девять вечера...

– Я никак не пойму, ты довольна или нет тем, что тебя все-таки забрали у отца?

– Довольна ли я? – Голос Туры зазвенел. – Полгода в приюте... в чужой стране...

– Ты родилась в этой стране!

– Без родных и близких... – Тура глубоко вздохнула. Пыль, поднятая уборкой, сделала свое дело, и девушка звонко чихнула. Раз, другой. И бессмысленная злость вылетела с этим чиханием. – Нет, ты точно не понимаешь. Не понимала и никогда не поймёшь.

– Какая мелодрама, боже... – нараспев произнесла Елена Павловна.

– Ты с уборкой поможешь?

Это надо было сразу сказать, в самом начале. Потому что мать тут же утратила интерес к диалогу.

– Нет, я пойду в ванную. Планирую сделать пилинг... маску... У нас в доме скоро появится молодой привлекательный мужчина. Надо подготовиться.

На это Тура решила не отвечать. Хватит. На сегодня она свою долю негатива от общения с матерью получила. Но Елена Павловна решила иначе и продолжила разговор, сменив тему.

– Тура, а у вас в салоне какие можно сделать косметические процедуры?

– Перечень услуг есть на сайте. – Тура окинула взглядом комнату. Всё на сегодня или все-таки перетащить книги? Куда вот только?

– Какая ты непонятливая, – вздохнула мать. – Я имею в виду – подешевле? Должны же у вас быть скидки для сотрудников?

– У нас для сотрудников предусмотрены только дополнительные дрыны и пендели.

– А солярий у вас сколько стоит?

– Все. Цены. На сайте. Или по телефону. Не мешай мне работать!

– Ты ужасно бездушная.

– А ты не злоупотребляй солярием. В твоём возрасте это не слишком полезно для здоровья.

– Смешно слышать такие слова от девушки, бледной как моль! Тебе бы не помешал солярий, Тура.

– Это гены, Елена Павловна. И я ничего не могу с этим поделать. Спроси у деда – он любит рассуждать о генетике.

– Нет уж, спасибо! – фыркнула Елена Павловна. – Я лучше приму ванну.

Дверь за ней закрылась. Спустя минуту послышался звук защёлкнувшегося замка в ванной. Тура с тоской оглядела комнату. Вот выбор и сделан. Теперь с идеей принять душ и пораньше лечь спать можно смело попрощаться. Мать займёт ванную на час минимум. Значит, надо заняться переносом книг. Пока дед как бы работает. Может быть, что-то выкинуть, например, эти подшивки «Роман-газеты» не пойми за какой год. Тура присела на корточки и смахнула пыль с верхнего журнала. Ого, даже старше ее самой. На левый нижний, не очищенный от пыли угол упала солёная капля, потом еще одна. Потом Тура вытерла глаза и подхватила стопку журналов. Нет, нельзя выкидывать. По закону подлости дед про них тут же вспомнит. Унести к черному входу. Там, кажется, было место на верхних полках стеллажа.

Тура стукнула в кабинет и, дождавшись скрипучего: «Входите», толкнула дверь.

– Дед, твой чай.

– Уже? – Павел Корнеевич сдвинул очки на лоб. – А сколько времени? – И посмотрел на настенные часы: – Ну надо же... За работой не замечаешь, как летит время.

Она молча поставила поднос на угол огромного антикварного стола – три тысячи евро, по оценкам специалиста, которого Тура как-то привела в отсутствие деда.

Работа... Дед жил прошлым, как минимум десятилетним, когда он был еще известным и востребованным профессором-нейрофизиологом Дуровым. Сейчас о нем не помнил уже никто, кроме пары особо преданных учеников и особенно заклятых оппонентов такого же антикварного возраста. А Павел Корнеевич Дуров упорно работал над какой-то мифической рукописью в области чего-то непрогнозируемого. Может быть, если бы сама Тура, как мечтал дед, пошла по его стопам и поступила в медицинскую академию, сейчас было бы всё иначе. И

возможно, сейчас дед гордился бы ее научными достижениями, и помогал бы, и жил ее успехами и работой.

Тура улыбнулась деду и принялась наливать черный чай с травами в его любимую чашку – подаренную на последний юбилей кем-то из учеников, кто еще не забыл своего старого наставника. Кого Тура обманывает? Какая академия? Какие научные работы? Дедовых мозгов ей не досталось, да и кормить семью кому-то надо было. А способности к медицине, которые у нее, по мнению Павла Корнеевича, были, вполне можно реализовать и на базе медицинского колледжа. Не до научных высот, конечно, зато с куском хлеба. И опять же, кто-то должен давить прыщи. Тура умеет это делать виртуозно.

– Кузьменко! – прогремел над площадкой бас Матуша.

Стёпа перепасовал мяч Даниле Дерягину и направился к тренеру, слегка прихрамывая.

Юрий Матушевич стоял у края площадки в своей излюбленной позе, уперев руки в бо#ки. В таком виде он производил впечатление вышибалы в баре – ростом повыше некоторых своих подопечных и в два раза шире каждого, со сломанным носом и хриплым прокуренным басом, которым он большую часть рабочего времени не говорил – орал. И мало кто знал, что вне площадки это тихий семейный человек, который во всем слушается свою жену и обожает дочку. Но сейчас был другой Матуш – не человек, ревущий бык.

– Дерягин, и ты сюда, живо!

Инструкции, полученные ими с Данилой, обоих спортсменов не удивили. Эта схема уже отработывалась ранее и приносила свои плоды. То, что она будет использована в завтрашней игре, не стало сюрпризом, поэтому и Дане, и Стёпе оставалось только согласно кивать. А потом Дерягин вернулся на площадку, а Степана еще оставили – для допроса.

– Что с коленом?

– Всё нормально с коленом, – дежурно ответил Кузьменко.

– А хромаешь зачем?

– По привычке, – рискнул огрызнуться Стёпа.

– Ты привычки эти вредные бросай! – на удивление добродушно отозвался Матуш. – А то, может, пусть Артур тебя посмотрит? Чтобы не подвело колено завтра.

Что сможет сделать Артур Кароль, врач клуба, за сутки до игры, Стёпа не очень представлял. Да и тренеру почти не соврал – собранное заново полгода назад в ЦИТО – центре травматологии – колено не болело, а прихрамывал он после тренировки больше по привычке – берёг.

– Всё в порядке, Юрий Михайлович, правда. А Кароль Артур после Амстердамского марафона вообще не авторитет.

Тренер и либеро дружно расхохотались. Артур Кароль, которого вся команда дружно именовала Кароль Артур – за аристократически надменный нос, тягу к широким жестам и истинно королевские врачебные знания и умения, ко всем прочим своим достоинствам являлся еще и страстным поклонником марафонов. И на последнем Амстердамском марафоне отличился особенно феерично – несмотря на то, что на последней «пятерке» стал себя плохо чувствовать, упорно продолжал бежать. В итоге – упал в трёх метрах до финиша. Так и того мало – еще метр пытался ползти, прежде чем потерять сознание окончательно. «Рождённый королём ползать не может» стало любимой фразой всего коллектива в течение целого месяца, несмотря на возмущённое фырканье врача.

Уже на выходе из спортивного комплекса Стёпу нагнал Данька.

– Кос, ты к метро? Я с тобой, переговорить еще хочу про завтра.

Эти двое заметно возвышались и выделялись над толпой – высоким ростом, яркими куртками, большими спортивными сумками через плечо. И уже потом обращали внимание на то, что оба парня были вполне симпатичной наружности. Да и разговор вели интересный,

правда, на свои, узкоспециализированные темы. Это был диалог доигровщика – универсального игрока, участвующего в приёме, атаке и в защите команды, и либеро на тему рисунка завтрашней игры.

Здоровое тело ста девяносто трех сантиметров в высоту надо хорошо кормить. Особенно после тренировки. Поэтому Степан усердно наворачивал полукилограммовую порцию творога с бананами. Пил чай с бутербродами. Пожалуй, на сегодня хватит.

Пока ел и пил, оглядывал комнату, прикидывая план по сбору вещей. А вообще-то и без плана можно обойтись. Вещей немного, соберёт в день переезда. И шмотки заодно успеет постирать.

Со второй кружкой чаю Стёпа устроился перед ноутбуком. Пришёл час связи с ЦУПом. Родной Ейск на проводе.

Появившаяся на экране после гудков физиономия брата была сонной, а голова у него – лохматой.

– Здорово, Лёлище.

– И тебе не кашлять, брателло.

– Как оно?

– Если мыть – не чешется.

Степан улыбнулся. У Лёлика рот от мозга независимо работает – издержки профессии. И не до конца проснувшийся брат вполне способен говорить. А вот осмысленно ли – другой вопрос.

– Ты с ночной, что ли?

– Да, только в пять домой приехал. Ты так смешно называешь – «с ночной».

– Ну не с дневной же? – резонно возразил Стёпа. Так, кажется, Лёлик проснулся, можно начать связный разговор. – Как дела дома?

– Нормально, – зевнул брат. – Вон, батя мчит на твой голос. Уступаю место и пойду отлить.

– Так, Стёпка, слушай сюда... – Лёлика сменил отец. – Я запись смотрел. И скажу тебе так – ваш Матушевич ерунду творит! Ты ему вот что передай...

Степан кивал и пил чай. Будто мало ему Матуша. А куда деваться, если отец родной тоже тренер. Пусть и в далеком отсюда Ейске, и детский. Тренер – это навсегда. И к тому же, именно отец взял его туда, где Стёпа нашёл себя. Где была вся его жизнь. В волейбол.

– Степашка, ты меня понял?

– Понял, – со всем возможным смирением ответил старший сын.

– А что с коленом? – перешёл к следующему пункту своей программы отец. – Вижу, что у тебя на ноге повязка. Беспокоит?

– Нет, – ответил Степан и спрятал ноги под стол. – Страховка просто. – Он решил сменить тему: – Как Василиса?

Аркадий Ефимович воровато оглянулся.

– Нормально всё. На рынок ушла. Что, Лёлика тебе дать еще?

– Давай.

– Лев! – гаркнул отец. – Иди, Стёпка зовет.

Переговорив с младшим братом еще минут десять, Степан отключил связь. Чай допит. Можно в душ и спать. Он обернулся и с тоской посмотрел на приставную табуретку в изножье кровати. И на новой хате будет такая же ерунда. Если там койка еще не короче.

Кадр третий. Куросава

Картинка снова черно-белая. И в ней, как в шедеврах Акутагавы и Куросавы – у каждого своя история и своя правда.

Рабочий день Туры выдался с утра бодрым. К семи вечера она не чувствовала ни рук, ни ног, ни спины. А самое главное – себя не чувствовала. Ей иногда казалось, что холёные дамы, клиентки элитных салонов красоты, все сплошь энергетические вампириши. И красоту себе не за счёт дорогостоящих бьюти-процедур получают, а кровь сосут из работников этих заведений. И слова поперёк не скажешь ведь.

Тура на работе на хорошем счету. К двадцати семи годам она поняла, что для всяческих манипуляцией с женским лицом и телом у нее руки вот прямо точно из того места, которое надо, растут. И любыми новыми техниками и аппаратурой она овладевала мгновенно и безошибочно. Только вот выливалось это в то, что работы становилось всё больше. В деньгах это тоже, конечно, выражалось, хотя и не в той мере, в какой Тура считала справедливой. Но тут уж если работаешь не на себя, а на дядю, а в ее случае на тётю – терпи. Она мечтала о своём деле, набиралась опыта и знаний. Только вот мечты эти, скорее всего, так и останутся мечтами. Денег на свое дело такими темпами не заработаешь. Особенно если тебе приходится содержать еще и деда. Всю свою пенсию он тратил не пойми на что. По крайней мере, Тура никогда не спрашивала. И денег на ведение домашнего хозяйства не просила никогда – так повелось после смерти Клары Корнеевны – к тому моменту Тура уже работала. И после ухода из жизни двоюродной бабушки как взвалила на себя всё – так и тащила. Первое время дед давал деньги, а потом перестал. С памятью у него становилось с каждым годом всё хуже.

До дома, с учётом очередной душещипательной беседы с хозяйкой салона о необходимости усердного труда на ее, хозяйкино, благо, Тура добралась уже к восьми. Вот и парадная родная. Тут с Турой поравнялся упитанный молодой человек с уже тронувшими лоб залысинами. Вид он имел страшно довольный и даже, кажется, насвистывал. Было что-то в его внешности, показавшееся Туре смутно знакомым. Она даже остановилась, не дойдя метра три до парадной. А он прошёл мимо. Почти. Но за спиной Тура услышала, как шаги замерли. И обернулась.

Они сообразили одновременно. И воскликнули тоже одновременно.

– Трубадура!

– Боцман!

Спустя секунду одноклассники уже обнимались. Потом, спустя еще секунд десять, смущенно отстранились и теперь смотрели друг на друга, устыдившись своего порыва.

– Ты... похудел.

– И полысел, говори уж сразу, – хохотнул Яшка Больцман. – А вот ты вообще не изменилась. Ни чуточки. Странно, что я тебя сразу не узнал.

Они стояли у дома Туры, радовались встрече и вспоминали.

С первого и до последнего класса эти двое считались белыми воронами.

Маленькая худенькая Тура стала объектом насмешек с первых дней. Необычный цвет волос, еще более странная речь – она к семи годами всё еще говорила тихо, невнятно, неуверенно и с акцентом. Имя странное. Когда всех детей просили назвать имя, она встала, едва видимая из-за парты, и пробубнила себе под нос: «Тура Дурова». Прозвище Трубадура тут же прилипло к ней. Иногда его сокращали до просто Дуры.

Яшку Больцмана, круглого отличника, игравшего на фортепиано и домбре, до седьмого класса водила в школу бабушка. Он был тоже классическим кандидатом в парии. Подружились они только в четвёртом классе, но сохранили свою дружбу до конца школы. А потом Яшка

поступил в Университет точной механики и оптики, но через два года по обмену уехал в Калифорнийский университет, и пути их разошлись.

Сейчас перед Турой стоял совершенно другой человек. Не тот Яшка Больцман по прозвищу Боцман, которого она знала в школе. Он больше не был круглым, скорее, слегка перекачанным, а не упитанным, как ей показалось вначале. Высокий лоб, переходящий в начинающуюся раннюю лысину, его не портил. Живые глаза, улыбка и общий вид крайне уверенного в себе и довольного жизнью человека.

– Яша, ты какими судьбами тут?

– Бабушка умерла. Приехал вопрос с квартирой решать.

– Мои соболезнования. А родители?

– Они давно в Израиле, – пожал плечами Больцман. – Не, они на похороны приехали. Но уже обратно свалили. Бабку сколько раз с собой звали, – Яша вздохнул. – Но она наотрез, в глухую несознанку. А теперь вот... Квартиру мне завещала, я и расхлёбываю.

Тура не сводила со школьного друга глаз. Ну надо же – Яшка. Яшка, но совсем другой.

– Ты сейчас там же... на втором этаже?

– Да ну тебя! – Яшка только что руками не замахал. – Там ужас что творится! Там жить невозможно. Я на Английском квартиру снимаю. А эту, бабушкину, надо сначала в порядок привести, ремонт хотя бы косметический. А потом уж продавать. Да еще кошки эти! – Он закатил глаза. – Слушай, Тура, тебе кошка не нужна? Рыжая есть, и полосатая, и какая-то белая, но она со сломанным хвостом...

Тура рассмеялась.

– Нет, спасибо, мне и без кошки проблем хватает.

– Дед? – понимающе кивнул Больцман. – Жив еще, курилка?

– Жив, – кивнула Тура. – И надеюсь, еще поживёт. Знаешь, не готова я морально к похоронам и... Ой, извини!

– Да нормально всё, – махнул рукой Яша. – Дело житейское.

– Ты с родителями живёшь? – Ей на самом деле было интересно. И усталость вдруг спряталась, и мелкий дождик вперемешку с лёгким ранним снежком не мешал.

– Я в Канаде сейчас живу, – с лёгким оттенком самодовольства сообщил Яков. – А до этого в Штатах работал.

– Тебя так надолго отпустили с работы?

Больцман говорил о каких-то свершено удивительных для нее вещах. И было правда любопытно ужасно.

– А я, знаешь, решил на родине пожить, – усмехнулся Яша. – Уже и работу нашёл. И по деньгам нормально, без потерь. Одноклассников этих ваших буду админить. Потусуюсь тут полгода-год – как дела с наследством решу. А там видно будет.

Туре оставалось только уважительно кивнуть. Видели бы сейчас Яшу Боцмана те, кто над ним смеялись в школе. Тура была уверена, что никто из них не добился того, что имел сейчас Яша – высокооплачиваемую работу, которая позволяла ему легко перемещаться между странами и жить там, где удобно.

– Ты с кем-то из наших общалась? – Яшка словно угадал ее мысли.

Тура отрицательно покачала головой.

– Как на личном фронте? – поинтересовался Больцман.

– Отступаю и несу потери, – сказала она грустно.

– Тура... – А взгляд у него тот же. Жалостливый взгляд Яши Больцмана, который в школе гладил ее по голове и рассказывал, как побьет ее обидчиков.

– Ай, ерунда, – отмахнулась она. – Знаешь любимую присказку лаборантов: «Всё дерьмо кроме мочи. А у некоторых и моча – дерьмо».

Яшка слегка смущённо хохотнул, а она продолжила:

– А у тебя как на этом фронте?

Следующие пять минут Туре на экране навороченного смартфона демонстрировали фото подружек бывшего ботана и толстячка Яшки Больцмана. Судя по фото, Яша питал страсть к брюнеткам с пышными формами и пухлыми губами. Девушек было примерно шесть или семь, и, судя по комментариям Яшки, они скрашивали его одиночество на протяжении последних лет пяти. Кажется, последовательно. А может быть, и параллельно.

Экран телефона вдруг щедро присыпало каплями, и Тура поняла, что замёрзла. Пальцы – особенно.

– Сволочная тут погода, – буркнул Яков.

– В Канаде лучше?

– В Канаде примерно так же. А вот в Лос-Анджелесе куда как лучше. Слушай, Тура...

– Да?

– Может, встретимся как-нибудь, посидим, поговорим в нормальной обстановке? Где-нибудь в кафе или ресторане.

– Давай, – легко согласилась она. – К себе не приглашаю, сам понимаешь – дед, а вот в кафе – с удовольствием.

Они обменялись номерами телефонов. И она еще какое-то время смотрела на Яшкину удаляющуюся фигуру, которую то и дело пересекали серые росчерки ветра с дождём.

Так, пора домой. Там еще дел по приготовлению к приёму нового жильца – вагон и маленькая тележка.

Ожидаемый дверной звонок прозвучал громко и коротко.

Тура открыла, на пороге стоял Степан с сумкой на плече.

– Это все твои вещи?

Степа поправил на плече лямку спортивной сумки и шевельнул ногой.

– Вот еще.

Выдвинулась объёмная спортивная сумка «Атомик».

– Уже больше похоже на правду, – кивнула Тура. На ней снова были чёрная футболка и чёрные джинсы. – Ну, заходи, коли пришёл. Только паспорт сначала давай.

– Что, прямо тут, на пороге?

Она чуть отодвинулась от двери и протянула руку.

– Паспорт.

Требование было справедливым и ожидаемым. Степан пристроил сумку у дверей, вторую опустил на небольшой деревянный стульчик – кажется, детский.

– А расписку в получении денег дашь? – Паспорт он пока не выпускал из рук.

– Обязательно! – пообещала Тура и потянула на себя документ.

Степан с неохотой, но выпустил из пальцев черный кожаный прямоугольник.

– Надо же... – Она листнула странички. – И правда Кузьменко Степан Аркадьевич. По гороскопу – Овен.

– Не знал, что гороскоп в паспорт вписывают.

– Ейск... – хмыкнула девушка, дойдя до странички с регистрацией. – Это где?

– У самого Черного моря. Там, где зреет золотой виноград. – И, поскольку его не поправили, исправился сам. – На самом деле, на Азове это.

– Занесло тебя, Степан Аркадьевич, – усмехнулась она. – А ты у нас малыш, оказывается.

– Я-то малыш? – Он демонстративно поглядел на нее с высоты своих ста девяноста трех.

– Такой большой и... – Она тоже демонстративно запрокинула голову, глядя на него. –

И совсем молоденький. Всего двадцать пять годков.

– Ты вообще выглядишь так, будто вчера школу окончила.

– Внешность обманчива. Неполных двадцать семь. Так что, как младший по званию, будешь слушаться всех остальных.

– Елену Пре... ужасную тоже?

Ответом ему стал звонкий смех. Кажется, Стёпка выбрал правильные тон и реплику.

– От нее тебе лучше вообще держаться подальше!

– Понял, – он снова подхватил сумку. – Пошли?

– Пошли, – кивнула Тура.

Комната выглядела лучше, чем при первом знакомстве. Но на пятизвездочный отель, конечно, не тянула. Ну да ладно. Главное, чисто и рядом со всеми нужными объектами. Помимо комнаты, Стёпке выделили стол на кухне, и две полочки – одну в холодильнике, другую в ванной. Щедрость неслыханная просто.

– Эту полку не трогай. – Под «полкой» подразумевался, судя по жесту Туры, целый стеллаж, уставленный всевозможными баночками, бутылочками и еще всякой непонятной хренью. – Это Елены Павловны.

– Даже смотреть не буду в ту сторону, – пообещал Стёпка.

– Молодец. А теперь пошли на кухню, покажу, как газом пользоваться.

– Я умею, – немного обиженно отозвался Стёпа. – У нас дома в Ейске газовая плита.

– Отлично. Не жилец, а подарок просто.

– А я тебе сразу говорил! – не остался в долгу Степан.

И тут их перепалку прервал звонок его мобильного. Стёпа принял вызов и выдернул разъем наушника. Своевольный смартфон принял этот знак по-своему и вывел звук на динамик.

– Кос, на тренку сегодня не опаздывай! – раздался бодрый голос Дерягина. – Матуш в ударе, все оглохли уже.

– Понял, – коротко ответил Степа. Переключать звук уже смысла не было. – Сейчас вещи брошу и через полчаса буду на месте. Я сегодня переезжаю, забыл?

– Ну, с новосельем, Кос! – хохотнул Данька. – Давай, дуй в темпе.

– Кос? – Тура проявляла умеренное любопытство. – Как это соотносится с Кузьменко Степаном Аркадьевичем? Что, у тебя два паспорта?

– Паспорт один, не переживай. Потом расскажу, я на тренировку опаздываю.

– Беги, деловой, – усмехнулась она. – Держи, – на узкой белой ладони лежали ключи. – Твой комплект.

– О, спасибо!

Ладонь убрали за спину.

– Деньги вперед.

Стёпка пару секунд выжидающе смотрел на девушку. Да ладно, всё нормально, видно же, что люди порядочные.

В ее руку легли несколько купюр, в его – ключи.

– А расписку?

– Ты же на тренировку торопишься, – сладко улыбнулась Тура. – Вечером будет расписка. В обмен на рассказ, почему ты Кос. А не Кокос.

Стёпка мысленно чертыхнулся. Так его тоже иногда называли. Ладно, это всё не срочно и можно отложить на потом.

– Давай тогда. До вечера.

– Удачи, – кивнула она.

Он двинулся к выходу.

Тура посмотрела ему в спину и вдруг бросилась вслед.

– Погоди!

Степан обернулся.

– Чего? – У него девичьи кудри и девичьи же глаза. На контрасте со всем остальным чисто мужским – рост, плечи, вся фигура – смотрится... странно. Забавно.

– Покажу, как замок отрывать-закрывать. Он у нас капризный.

Уже запирая дверь за их новым – хотя у них раньше и не водилось других – жильцом, Тура подумала, что Степан – перемена все-таки со знаком плюс. Во-первых, деньги. Во-вторых, в квартире появился человек, на которого просто приятно смотреть. А в-третьих, он нормальный. Какой-то удивительно и по-хорошему адекватный. А этого в жизни Туры ой как не хватало. Не хватало с самого рождения. Чего-то простого, вменяемого и правильного. Так что, может быть, ее падение на твёрдый асфальт и слёзы от боли и обиды оказались переменной к лучшему. Небольшой, но все-таки позитивный вектор в ее сплошной, без перерыва, борьбе. То ли с кем-то, то ли за что-то.

Главное, чтобы у матери кукушку не сорвало. А это может случиться запросто. Ну да ладно, жизнь покажет.

Вернулся новый жилец с тренировки аккурат к вечернему чаепитию. Он тогда еще не знал, что такое чаепитие было не просто вечерним, а ежедневным, обязательным.

– Степан Аркадьевич, здравствуйте! – Как и все люди с ослабленным слухом, профессор говорил громко.

– Добрый вечер, – вежливо ответил Степан, осторожно спуская сумку с плеча. Плечо ныло – Матуш их сегодня гонял с особым цинизмом.

– Проходите к столу, мы как раз вас ждём!

Степану удалось не показать своего изумления.

– Спасибо большое. Сейчас только сумку разберу – я после тренировки. Руки помою.

– Понимаю, – энергично кивнул Дуров. – Пять минут мы легко еще подождём.

За спиной деда Тура развела руками.

Стол был сервирован именно для чаепития – заварочный чайник под уже знакомой тряпичной птицей, чашки, маслёнка, сыр, печенье, конфеты. Стёпка с тоской оглядел всю эту красоту и поправил на шее влажные волосы. Ему бы сейчас чего-нибудь посущественнее.

– Знаете, я курицу купил по дороге...

– Куру, – поправил его Дуров.

– А, ну да, куру. – Степан всё никак не мог привыкнуть к местному диалекту. – Так я сейчас разогрею, хорошо?

– Вы же после тренировки, поэтому голодный? – проявил чудеса сообразительности старый профессор. – Турочка, предложи молодому человеку ужин.

И спустя десять минут Степан с отменным аппетитом уминал гречку с тушёной говядиной и овощами, и слушал пространный рассказ Дурова. Если так кормить будут – готов каждый вечер слушать – всё равно про что. Сегодня, например, в честь новоселья, Стёпу познакомили с научными и иными достижениями Павла Корнеевича. Степан даже пару знакомых слов услышал – всё же курс общей физиологии человека им читали.

В общем, Стёпка ел, профессор вещал, Тура молчала. И молча же выдала Степану добавку – когда он поймал себя на попытке вычистить тарелку с густым соусом куском хлеба. Давно не ел такого простого, вкусного и домашнего.

– А вы это зря постеснялись, Степан Аркадьевич, – заметил Дуров, когда внучка со Стёпиной тарелкой вышла из комнаты. – Дочиста всё съесть – это не стыдно.

– Я тоже так считаю, – согласился Степан. – Особенно если очень вкусно.

Он обратил внимание, как Павел Корнеевич сметал крошки от печенья себе в ладонь и отправлял в рот.

– И правильно, – кивнул Дуров. – Нельзя еду оставлять на тарелке. У нас в роду, знаете, все мужчины были как вы – ростом, я имею в виду. Флотских много было. А я, извольте

видеть... – он развёл руками. – Метр пятьдесят девять. Потому что тридцать третьего года рождения. Блокада. Голод.

Степан не нашёлся, что сказать. А тут ему принесли добавки. Тарелку он вычистил хлебом до блеска.

За чаем разговор шёл о семье Дуровых. Сначала Павел Корнеевич рассказывал о женщинах старшего поколения – своей супруге и сестре, в самых тёплых выражениях. Потом переключился на дочь.

– Леночка сегодня на дежурстве, увы, не составит нам компанию.

Стёпа этому только рад был – впечатление Елена Преужасная пока произвела такое, что общение с ней хотелось свести к минимуму. Тура при упоминании имени матери и вовсе заметно поскущнела.

– А дежурство – это где? – проявил Стёпа вежливый интерес. Хотя, честно сказать, мрачное лицо Туры было явно тревожным сигналом, но тут уж трудно было выбирать – профессор-то явно был настроен на общение.

– Леночка в третьей городской работает.

– Врач? – В общем-то, ожидаемо. С таким-то отцом.

– Нет, знаете ли... – неожиданно стушевался Павел Корнеевич. – Она, в некотором роде, не совсем врач, и...

Тура фыркнула:

– Елена Павловна охранником трудится. Сидит на входе и проверяет, чтобы все были в бахилах. У нее даже табельное оружие есть, угу. Резиновая дубинка. Она ее даже применять умеет. – И после паузы, прямо глядя в глаза Стёпе, добавила с глумливой интонацией: – По прямому и особенно косвенному назначению.

Стёпа подтекст уловил отчётливо и покосился на профессора. Дуров смущённо кашлянул. Но смолчал. Понял ли неприличный намёк – сказать трудно. Вероятнее всего, нет. Поправил галстук, пригубил чай. И продолжил разговор уже о следующем поколении:

– Самая моя большая беда и боль – это знаете что, Степан Аркадьевич? Что Турочка не стала поступать в медицинский. А ведь у нее способности. Но вбила себе... – Дуров сокрушённо покачал головой.

– А моя самая большая печаль – это то, что ты меня в мореходку не пустил поступать! – делано весёлым тоном произнесла Тура. Кажется, ей стало неловко за свою недавнюю резкость.

– Тура, это совсем не женское дело! – сердито насупил брови дед.

– А во мне, может, дуровские флотские корни заговорили, – парировала внучка. Разговор был явно с давней историей, но Стёпа никак не мог поймать интонацию – шутят или нет? – Или капитанские гены прорезались.

– Тура! – отчего-то сердито одёрнул девушку Павел Корнеевич. – Подлей-ка лучше гостю чаю.

Привычку помогать Туре убирать со стола можно было уже считать закрепившейся. Ему буркнули «спасибо» и выдали полотенце – вытирать посуду.

– Слушай... – Стёпа пристроил кружку на примеченное ранее место. – А ты правда, что ли, в мореходку хотела поступать?

– Была такая блажь, – пожалала Тура плечиками. – Тогда как раз второй год как стали девчонок принимать. Мечтала, да. Но дальше мечты дело не пошло. Там же математику надо знать, физику. А у меня с этими предметами как-то не сложилось в школе. – Она вручила Стёпке пустую кастрюлю из-под гречки и вдруг тихо добавила: – У меня отец капитан.

– Настоящий? – почтительно поинтересовался Степан. Он сам вырос у моря, и уважение к морскому делу впитал с морским воздухом.

– Еще какой настоящий. По морям ходил – Балтийское, Северное, Норвежское, Баренцево. Потом списали на берег.

– Почему? – Вопрос вылетел сам собой.

– Пил, – после паузы просто сказала Тура. – Сильно. – А потом без паузы: – Кастрюлю в тот шкаф. Там, на верхней полке, твоя расписка лежит. И ты про Кокоса обещал рассказать.

– Не кокос, а Кос. – Вообще, на «Кокос» Стёпка реагировал обычно бурно и обидчиво, но сейчас почти не задело. – Я в греческом клубе играл два года. Фамилия – Кузьменко, Кузьма – это от греческого Косма. Так меня и перекрестили в Коса.

Она рассмеялась – мягко, без издёвки.

– А ларчик просто открывался. Греция, значит. Надо же...

Стёпка потрогал рукой на предмет надёжности и устойчивости древний на вид стул, оседлал его и неожиданно пустился в откровения:

– У меня там родственники. Дальние. Дед – грек. Константинас Георгадис. А меня что-то после армии никуда не брали – играть, я имею в виду. Тухляк был, короче. И я поехал с родней знакомиться. А там, – он щёлкнул пальцами, – р-р-раз, и сложилось. Понравился я «Олимпиакосу» – и два года за них играл.

– Ого! – Тура вручила ему несколько ложек и вилок. – А как тут оказался?

– Продали, – пожал плечами Стёпка, старательно вытирая между зубчиками вилку.

Она звонко рассмеялась:

– Продали? В Греции не в курсе про отмену рабства?

– Ладно, поймала, – ответно улыбнулся Степан, укладывая столовые приборы в ящик. – Это называется трансфер.

– И как тебе после трансфера тут?

– Нормально. Мне на родине привычнее. А по деньгам даже выгоднее.

– Знаешь... – Она выключила воду и обернулась от раковины. Оглядела его с ног до головы: верхом на стуле, копна черных кудрей, выразительные глаза и тонкий ровный нос. – Ты похож на грека. Я вот греков себе именно так и представляла.

– Знаешь, – в тон ей ответил Степан, разглядывая ее изящную фигурку в неизменном черном и светлые волосы. «Цвета льна» – вылезло откуда-то из памяти. – Ты тоже похожа на норвежку. Я норвежцев именно так и представлял.

– Здор#рово, когда люди не обманывают твоих ожиданий, верно? – сказала она вдруг.

И, пока Стёпка удивлённо тарасил глаза, поспешно добавила: – Ты в душ идёшь? Я хочу принять ванну, раз матери нет дома.

– Нет, – качнул головой Стёпа. – Я после тренировки каждый раз душ принимаю.

Тура кивнула и вышла с кухни. Стёпка сладко потянулся. Чистый, сытый, довольный. День определённо стоит считать удачным.

От оптимизма мало что осталось, когда Стёпа устраивался спать. Не койка – финиш полный. Жёсткая, короткая. И одеяло до середины икр. Надо будет у Туры спросить завтра: может, у них есть одеяло подлиннее? С этой мыслью Степан заснул.

Вопрос об одеяле был поднят утром на кухне.

– Тура, а у вас одеяла другого нет?

– Мёрзнешь, что ли? – Тура торопливо допивала кофе и доедала бутерброд с сыром.

– Ноги... торчат.

Она смерила его с ног до головы. Кивнула. А потом прыснула:

– А на кровати ты как? Помещаешься?

– С табуреткой нормально, – буркнул Стёпка.

Тут уже зазвучал звонкий беззастенчивый смех. А потом Тура посмотрела на часы и смех оборвался.

– Чёрт! Опаздываю! Степаша, овсянка на плите, ешь, пока тёплая.

– А-э... Благодарствую... – Он никак не ожидал, что ему предложат завтрак. И назовут Степашей. Спасибо, что не Хрюшей.

– Про одеяло вечером поговорим! – донеслось из коридора.

Вечером до одеяла дело дошло не скоро. Сначала был ужин. Восхитительный рассольник и жареная скумбрия с рисом. Ничего особенного, но вкусно – язык проглотишь. И было приятно, что в этом доме, за этим столом – Степан чувствовал – его постоянный зверский аппетит не является предметом для насмешек.

Павел Корнеевич утверждал, что здоровый мужчина, занятый физической работой, должен потреблять не менее трех тысяч килокалорий в сутки, громил новомодную систему дробного питания, приводя в помощь себе медицинские термины, из которых Стёпа опознал три. Тура с улыбкой, но молча приносила добавку. И Елены Павловны снова нет – это счастье, однако. Степан уже оценил.

После он привычно помог Туре убрать со стола. И так же привычно вытирал посуду, расставляя ее по уже примеченным местам. Заодно и время есть – поговорить.

– Слушай, Ту, может быть, мне вам денег добавить? А то обжираю вас регулярно.

– Как ты меня назвал? – Она резко повернулась к нему.

Как, как... Как в телефоне записал – так и назвал. Ему трудно давалось это имя – Тура. Оно было каким-то грозным и чужеродным, как рокот холодного северного моря. Нет, с учётом ее норвежских корней, оно, может, ей и подходит. Но ему не нравилось. Имя Ту – живет как-то. И короче.

– Извини, Тура. – Он старательно вытер чайную чашку профессора и поставил ее на блюдце с таким же рисунком. Это называется, как Стёпе объяснили, чайная пара.

– Нет, повтори, как ты меня назвал!

– Ту. – Он решил не вступать в пререкания. – Я тебя так в телефон записал. Торопился. Ну и это... по привычке.

– А знаешь, ничего. – Она наклонила голову, словно прислушиваясь. – Ту-ту-ту... Мне нравится. Называй. Разрешаю.

– Премного благодарен. – Степан перекинул через плечо полотенце. – Так что там с одеялом?

– Ничего. – Тура вздохнула и снова принялась за посуду. – Есть еще одно одеяло, но для тебя тоже будет коротким. А ты, как обычно, выкручиваешься?

– Никак, – мрачно буркнул Степан. – Так и мёрзну всю жизнь. Дома кровать отец сделал сам, под мой рост. И одеяло Василиса, бабка моя, сшила.

– Ну раз Василиса сшила, значит, и я сошью, – беспечно пожала плечами Тура. – Из двух одеял одно сделаю как-нибудь.

– Спасибо, – слегка ошарашенно ответил Степан. Такого участия он к своим проблемам никак не ожидал. И вспомнил, с чего был начат разговор. – Слушай, Ту, может, я доплачивать буду? Раз уж вы всё равно меня кормите?

И еще как кормят. И завтрак, и ужин, и чай. Незатеяливо. Но вкусно и сытно. Как дома.

– Перестань. – Тура дёрнула плечиком. – Хоть кто-то есть будет. А то дед любит каждый день свежее. И не терпит, чтобы еду выкидывали – блокадник, ты же сам всё видел.

– И ты каждый день готовишь? – Стёпке и в самом деле было интересно.

– Да, готовлю. Частично мать забирает с собой на сутки. Она мнит себя великой кулинаркой, но только на словах больше. А на самом деле исправно подчищает все кастрюли. Я, правда, выслушиваю регулярно про то, откуда у меня растут руки в плане готовки. Ну ест – и ладно. А что остаётся, то собакам отношу. У меня есть пёсики прикормленные. У помойки.

На это Стёпка не знал, что и сказать. Чем его Тура неизменно удивляла – так это своей предельной честностью. Он любил, когда говорят прямо. Но не настолько же...

– Как-то неловко... пёсиков объедать.

Снова смех. Звонкий. Немного обидный, но самую каплю. Посуда вымыта, и Тура обрачивается.

– Не переживай. Ты же на косточки не претендуешь?

Степан отрицательно покачал головой.

– Ну вот видишь! – Она забрала у него из рук сковороду и пристроила в шкаф. – Все будут довольны, не парься.

– Постараюсь не париться.

Тут как не согласиться-то? И почему-то душа требовала продолжения банкета, поэтому Стёпка, дежурно оседлав кухонный стул и так же дежурно устроив полотенце на шее, продолжил беседу:

– Ту-у-у... – протянул он нараспев, словно дразня. Или бросая вызов.

Она улыбнулась, демонстративно сложила руки на груди и так же нараспев протянула:

– Ко-о-ос...

Он рассмеялся. Чёрт. Вот совсем не ждал, что вместе с жильём в удобном месте получит в дополнение нормальное питание и вполне себе интересную компанию. Жизнь в одиночку на съёмных квартирах за последнюю пару лет Стёпку порядком утомила. Он вырос в доме, где постоянно шумели. Отец орал на Лёлика, брат огрызался, Василиса орала на всех. И тишина, и невозможность перекинуться вечерами хоть словом, угнетала. Теперь только понял, как соскучился по простым душевным разговорам.

– Скажи, а где сейчас твой отец-капитан?

Улыбка Туры тут же поблекла. Так явно и быстро, как будто ее выключили. И Степану так же мгновенно стало неловко.

– Извини. Если я лезу не в свое дело, то... Просто я тебе про родственников греков рассказал, а у тебя тоже вон как... необычно... Мне стало любопытно и...

Тура молчала, и он закончил совсем неловко:

– Не отвечай.

– Да отчего бы не ответить? – тихо и после паузы спросила она. – Чаю хочешь?

Чиркнула спичка, загорелся газ.

– Секретов никаких нет. Точнее, есть, но уже гриф секретности с архивов снят. Наверное. Хотя... – Она махнула рукой. – Ты, главное, деду не проговорись, что знаешь, ладно?

Стёпка согласно кивнул. Кажется, семейная история Дуровых была не такой уж и простой. Но он не жалел, что спросил. Потому что чай Ту заваривала вкусный, на кухонном столе стоят тарелки с остатками бисквита и сыра, а по беседам за чашкой чая Стёпка очень уж стосковался.

Елена Дурова была девушкой любвеобильной. Ее коронная фраза: «Я создана для любви, а не для работы». Именно поэтому после семейных мучений всех: Павла Корнеевича, Марии Фоминичны – бабушки Туры, и Клары Корнеевны – двоюродной бабушки и сестры деда – в общем, всех, кроме самой Леночки, был брошен на втором курсе мединститут. Пару раз Леночка сходила «взамуж», но без печати, а так – на вольные хлеба#. Хлеба# все на проверку оказались худые и ничего, кроме аборта в двадцать лет, Леночке не принесли. Пока наконец не выпал ей счастливый билет в образе белокурого викинга Ларса Рённингена. Капитан сухогруза, кося сажень в плечах, яркие голубые глаза и трубка – всё как полагается. Да еще и не наш, а импортный!

Окрутила его Елена в три дня. И укатила с ним в Норвегию.

Северная сказка оказалась с суровой изнанкой. Елена явно рассчитывала, что будет жить в уютной квартирке в Осло, вести весёлую жизнь и ждать мужа из плавания. Вышло совсем иначе. Ларс почти сразу отправил жену к родне на север страны, в деревеньку в Финнмарке – в область, расположенную за Северным полярным кругом на берегу Баренцева моря.

Через полгода после переезда родилась Тура. Из развлечений, помимо возни с ребёнком – вязание и радио. Спустя год Ларса списали на берег, и он присоединился к семье.

От мужа Елена и сбежала с первым попавшим в ее поле зрения моряком, оставив полуторогодовалую дочь норвежским родственникам.

– Ничего себе! – выдохнул Степан. При их внешней с Турой совершенной разности и даже некоторой полярности, судьбы оказались более чем схожи.

– Да уж, – невесело усмехнулась Тура. – Ничего себе, всё вам.

– А как ты тут оказалась? – Стёпа уже забыл про свое великодушное «не отвечай». История Туры таила в себе еще много интересного.

– А вот тут, Стёпа, и начинаются государственные тайны, – вздохнула Тура. – Тебе чаю подлить?

– Ага. Только я это... – Степан виновато покосился на пустые тарелочки. Ни следа бисквита и сыра. И это, похоже, его рук, то есть рта... дело.

– Что найдёшь – всё твоё! – Тура махнула рукой в сторону холодильника. – Только сырую печёнку не трогай, я ее завтра пожарю.

С очередной чашкой чаю Стёпа уминал творожную массу и слушал продолжение рассказа Туры.

Тура убирала в буфет посуду.

Леночка вернулась в отчий дом. Там ее приняли – куда деваться. Обогрели, приласкали, пожалели. Но на вопрос: «Что с ребенком?» не был получен внятный ответ. Павел Корнеевич влепил дочери пощёчину. За то, что ребёнка бросила. И бушевал потом долго. Но совершенно безо всякого практического результата.

Добиться того, чтобы дитя вернули матери, не получилось. Законодательство Норвегии было всецело на стороне отца, гражданина страны. Получать удавалось только скудные отчёты о том, что ребёнок жив, здоров, благополучен и растёт. Так шли годы. Елена почти сразу получила развод, и у нее вовсю закрутились новые романы. Менялись мужчины, цвет волос, места работы. О дочери, растущей где-то в Норвегии, она преспокойно забыла.

Павел Корнеевич не забыл.

А Тура росла с пьяницей отцом и молчаливыми тётками, которые приходили, чтобы приготовить какую-то еду и произвести уборку. Еще они чинили отцу одежду – он почему-то постоянно рвал штаны. Иногда забирали девочку к себе. Но о своей жизни в Норвегии Тура помнила смутно. Ни лиц, ни слов, ни событий. Только ощущение холода и одиночества. Словно не люди были вокруг – тени, стылые и безголосые.

Жизнь изменилась, когда отец заснул в доме, а Тура осталась на улице. Она специально вышла – не любила его пьяным. Ей тогда было пять.

Почему не пошла к соседям – не знала, и объяснить потом не могла – ни себе, ни кому-то еще. Села в сугроб и начала присыпать себя пушистым снежком. Там и нашла ее соседская собака. И лай подняла. А потом уж и соседи подтянулись.

Так Тура Рённинген оказалась в приюте в городе Вадсё. До русских родственников эта информация дошла с огромным опозданием. Но дошла. И тут дед, за три месяца до этого известия похоронивший жену, просто как с ума сошёл. И отправился в Большой дом на Литейном проспекте.

Профессор Дуров работал на ФСБ. Ну, в то время название было иным – КГБ. Разумеется, никто об этом тогда не подозревал – государственная тайна, все дела. Что-то, связанное с мозгом – вот всё, что было известно Туре. Да она и знать не хотела, что стояло за теми событиями. Как дед выторговывал помощь самой могущественной организации страны. Не знала она, каких усилий, нервов и переживаний это всё стоило Павлу Корнеевичу. Но был один непре-

ложный свершившийся факт: в возрасте пяти с половиной лет она оказалась в России. Как это произошло – ей неизвестно.

– Как это, неизвестно? – Стёпка поймал себя на том, что сидит с открытым ртом. – Телепортация, что ли?

– Почти. – Тура выплеснула остатки остывшего чая в раковину. Подошла к плите и снова зажгла конфорку. – Я не знаю, как эти люди проводят свои операции. Вывезли. Как-то. Как – я не в курсе.

– Ты что... А ты... А что ты сама помнишь?

Она отвернулась.

– Ничего.

Степан с всё возрастающим изумлением разглядывал тонкую спину – сегодня футболка ради разнообразия серая. Как это – ничего?

– В смысле... Ты... тебя чем-то накачали? В ковре вывезли? В футляре от контрабаса?

– Смешно, – тихо и грустно ответила Тура.

– Извини! – спохватился Степан. – Я просто... не то хотел сказать... Прости.

Она устало опустилась на стул.

– Меня потом несколько лет дед таскал по разным врачам-специалистам – у него же много знакомых в этой среде. Дал мне свою фамилию. В психушке лежала два месяца. Я не говорила. Совсем. В постель мочилась каждую ночь лет до девяти. И ни черта не помню о своём детстве там. Помню только, что всё время было холодно. И одиноко. И страшно. Последствия стресса, так считали врачи. Такая вот история, Кос.

У Степана от этой истории холодок пробежал по спине. Он поёжился.

– Слушай...

– Не говори ничего, – Тура махнула рукой. – Даже не знаю, зачем я тебе это всё рассказала. Наверное, чтобы ты понимал, что за человек моя мать. И какой человек мой дед. Тебе же тут жить с нами. А одеяло я тебе завтра сделаю, ага? Потерпишь?

Он лишь рассеянно кивнул, когда она вышла из кухни. Смотрел на чистый стол и ерошил волосы на затылке. И вспоминал собственную мать.

Кадр четвертый. Антониони

Всё красное, всё мёртвое, все друг другу чужие. Как у Антониони. Только ещё страшнее.

Музыка ударила по ушам, едва Тура открыла дверь своей квартиры. Ритмом обойного молотка и запредельным воем – так, что даже и не скажешь сразу, что это музыкальное произведение. Вакханалия какая-то!

Звуки ада доносились из комнаты нового жильца. И куда дед смотрит? Впрочем, тут без загадок. Снял слуховой аппарат и работает. А если дед без слухового аппарата, то можно в квартире всё что угодно делать – у Павла Корнеевича всё равно в ушах благословенная тишина. Но зато во всем остальном пространстве...

Тура для порядка стукнула. Разумеется, не ответили. И она толкнула дверь.

В небольшой комнате звук сбивал с ног. И когда Степан успел притащить колонки? Она подошла к музыкальному центру и выкрутила громкость. Наступила тишина – почти звенящая.

– Ты чего?

Хозяин комнаты сел на кровати. А до этого лежал. Облачённый лишь в спортивные штаны-три-полоски. И – непонятно – в эластичную повязку на локте.

– Степан Аркадьевич, вы в курсе, что музыка играет очень громко?

– Никому не мешало.

Потому что дед глухой, а мать на дежурстве.

– Теперь мешает.

Он только дёрнул голым плечом.

– Твоё счастье, что Елены Павловны нет дома. А то бы тебе устроили грандиозный скандал.

Он снова дёрнул плечом и едва слышно фыркнул. А потом низко-низко опустил голову. Темные локоны совсем закрыли лицо. Тура, сама не зная зачем, села рядом с ним на постель.

– Стёп... Что случилось?

А что-то случилось – это фонило очень явно. Сначала дикими музыкальными воплями, а теперь тишиной и опущенными плечами.

– Мы проиграли, – очень тихо сказал Степан. – Из-за меня проиграли.

– Это как?

– А вот так. – Он все-таки поднял голову. Медленно. Тупо смотрел на облезлые жёлтые обои на стене. – Команда на меня рассчитывала. А я подвёл.

– Почему?

– Потому что! – Это был уже крик. Вопль. Как те, что звучали из динамиков недавно.

– Объясни.

Она не сводила взгляда с повязки. Поперечные линии – там жилки резиновые, наверное. Фиксирует туго. Кожа из нее выходит выпукло. А там выше повязки – вообще выпукло. Это бицепс. Да, именно он.

– Что объяснять? – Длинные пальцы взметнули девятый вал темных волос на затылке. – Подавали на смерть в пятом тайме. Я должен был выстоять. И... сил не хватило. Не смог.

– А локоть почему забинтован?

– Упал в первом тайме. Неудачно.

И картина нарисовалась сама собой. Помимо воли. Не пойми откуда.

В самом начале... игры?.. Он упал и травмировал руку. А дальше – через боль, через «не могу», на одном только «должен», потому что команда на него рассчитывала – играл. Но всё же это оказалось выше его человеческих сил. Откуда она это знала и поняла? А спроси!

Ведь даже примерно не представляет правила игры, и не интересовалась никогда, и даже не возникало мысли на компе посмотреть. Но картинка сложилась мгновенно – из наблюдений, разговоров за чаем. Абсолютно точная и яркая картинка.

– Стёп... – Она легонько притронулась к его руке. – Ты не виноват.

Он обернулся. Вблизи его ресницы кажутся ненастоящими. Таких длинных черных ресниц у парней не бывает. А у Степана они есть...

Она провела ладонью по его бицепсу. И в следующий миг они целуются. Безо всяких там «только губами, без языка», «я только в краешек», «рот не раскрываем, и всё норм». С полным ощущением, что они это делали раз сто до этого. Ровно совпав и попав во всё. В том числе и кончиком языка в пломбу на верхней шестёрке справа.

И именно в этот момент Тура вдруг понимает, где у нее главная эрогенная зона. На руке. Когда нежные чёрные волны волос скользят по ладони и между пальцами. И его руки на ее спине – горячие, настойчивые. И вдруг они переместились на грудь...

У него колючая небритая щека. Об этом сообщает пощёчина. Степан поджимает и без того узкие губы и опускает роскошные ресницы. Недоуменно. Презрительно.

– Секс-услуги не входят в стоимость проживания! – Тура тоже умеет врезать как следует.

– Я доплачу.

Получи вторую пощёчину!

Тура вскакивает с кровати. Сказать бы что-то, но ничего на ум не приходит.

– Держи свои руки при себе! – шипит она.

Уже у двери ее настигает тихий голос Степана:

– Здорово целуешься.

Дверью она хлопнула. Музыка больше не слышно.

На кухне Степан делал отжимания.

Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре... двадцать...

Со счета его сбили шаги. Пришлось прерваться и встать.

В дверях стояла Елена Павловна собственной персоной. В тонком коротеньком халате с пояском. Обширный бюст был представлен во всей красе. Практически не оставлял места для фантазии.

Стёпка вытер шею полотенцем. И проклял себя за то, что не надел футболку. Привык заниматься с голым торсом – так удобнее. Судя по взгляду Елены Преужасной – пора отвыкать.

Дама сделала вид, что засмушалась.

– Ой, Стёпочка, не смотрите на меня, я не накрашена!

Угу. А красная помада – это ему мерещится, видимо.

– Вы прекрасно выглядите, Елена Павловна.

Зря сказал. Но уже поздно. Она подплыла к нему, дыша жаром и гелем для душа. Стёпе осталось только прижаться к стенке. Он вдруг понял, что чувствуют девчонки, когда к ним клеятся на улице не совсем трезвые и очень наглые парни. И это при том, что он сам – сто девяносто три, девяносто пять и может вломить. Но не возрастной же тётке с яркой помадой и в неприлично коротком халате?

– Стёпа, вы завтракать будете?

– Спасибо. – Степан бочком стал пробираться к выходу с кухни. – Я уже позавтракал.

– Да что вы там ели? Пару бутербродов всухомятку? Давайте, я вам приготовлю вкусный омлет.

– Еще раз спасибо, но ваша дочь угостила меня кашей.

Елена Павловна двинулась к холодильнику.

– Кашей? Это хорошо! – Она открыла дверцу. – Так, что у нас здесь?

Степан быстренько ретировался и скрылся за дверь своей комнаты. И кой чёрт его дёрнул заниматься на кухне? Места в его комнате маловато. Надо иногда и голову включать.

Вернувшись домой после работы, Тура устало сняла пальто и сапожки.

Неожиданно в дверь позвонили. Тура щёлкнула замком и с удивлением увидела на пороге двух незнакомых девиц лет двадцати, в узеньких джинсах, распахнутых куртках, под которыми были коротенькие топы, открывающие живот, и с разноцветными клоками волос на голове.

– Здрасьти.

– Чем могу помочь, девочки?

Девочки переглянулись и выдали хором:

– А Кос дома?

Соображала Тура после рабочего дня туго. Но тут разозлилась.

– А вы к Степану Аркадьевичу по какому делу? – строго спросила она.

– А мы... – Нимфы еще раз переглянулись. – Это... – хихикнули снова слаженно. – Автограф хотели взять!

Фанатки. У Степаши есть фанатки. Да боже ж мой. Какую знаменитость приютили. Какая честь. Дальше командовал разлив желчи внутри одной конкретно взятой квартирной хозяйки.

Тура отступила на пару шагов и для порядка стукнула по косяку костяшками пальцев.

– Кузя! Кузьма! Сундук украли! В смысле, к тебе дамы пришли. С визитом.

Открывшаяся дверь в комнату явила недоумевающего Степана Аркадьевича Кузьменко в домашнем – мятая футболка и спортивные штаны. И учебник из дедовой библиотеки в руке – сессия у Степана Аркадьевича, потому и сидит вечерами дома.

Степан вопросительно посмотрел на Туру.

– Поклонницы вашего таланта, Степан Аркадьевич, – медоточиво проворковала Тура. – Жаждут припасть и облобызать.

– Чего?

– Стёпа, вы нам обещали автограф! – заверещала одна из девиц.

– Чего?

Парочка клоунесс быстренько перешагнула за порог и ввалилась в прихожую. Степану и Туре пришлось посторониться. В заставленном старыми вещами коридоре стало еще более тесно, чем было до того.

– Стёпа, на последней игре в «Нева-арена», помнишь? – защебетала одна из девчонок. – Ты обещал, что дашь нам автограф. И расскажешь про игру.

Дальнейшее Тура проигнорировала. Повернулась и ушла ванную. Запихнула вещи в стиральную машину. Давно собиралась. Но вслушивалась чутко – в девичий щебет, в хихиканье, в сдержанные ответы Степана.

И в хлопок двери – спустя минут примерно десять. Значит, в гости не пригласил. Молодец, Степаша. Пять тебе за сообразительность. Тура включила стиральную машину и двинулась к двери жильца.

Степан только собирался войти в комнату. Остановился в дверях.

– Что так быстро? Девушки были настроены на плодотворное общение.

– Я не давал им своего адреса. – Тон жильца был мрачен.

– Ну что вы, Степан Аркадьевич, – промурлыкала Тура. – Не стоит стесняться своей популярности. Хотя фанатки бывают такие назойливые. Что в следующий раз сказать? Что вас нет дома?

Стёпка одарил Туру мрачным взглядом.

– Ты мне одеяло обещала.

С этими словами дверь за либеро закрылась.

Да. Обещала. А потом что-то со временем не сложилось. А потом этот поцелуй нелепый, а потом – негласная война. Но обязанностей арендодателя это не отменяет. Одеяло... Да, она обещала одеяло.

Тура залезла на антресоли, перетряхнула три коробки, прежде чем нашла то, что искала. Вот оно – старое, верблюжьей шерсти. Дед говорил, что от его отца осталось. А там же флотские, под два метра.

Распялила на руках. Ну, точно на дядю Стёпу. От неожиданности совпадения с детским стишком рассмеялась. Чихнула от пыли. Похоже, что либеро старинное одеялко придётся в пору. Или надо будет надставлять? Нет, без примерки никак. Зажав одеяло под мышкой, Тура направилась к двери жилья.

Постучала несколько раз. Стуку много, а порядка как не было, так и нет. Из-за двери не отвечали. Обиделся, что ли?

– Можно?

– Я голый.

Тура фыркнула и толкнула дверь.

Он был голый.

Когда-то, в те времена, когда еще была жива сестра деда, зашёл у дам семейства Дуровых разговор о мужской красоте. И Клара Корнеевна, вспыхив, сказала, что равняться надо на античные образцы. И был снят с полки альбом репродукций коллекции флорентийской Академии изящных искусств. И был продемонстрирован Давид работы Микеланджело. Так вот. Этот самый Давид стоял теперь перед Турой. Стоял спиной к ней.

От гармонии мужской фигуры захватило дыхание. Плечи, спина, ноги... Идеальные ягодицы чуть светлее остального. Ноги же, наоборот, чуть темнее, потому что с волосками. У статуи волос не бывает. Но пропорции те же. Идеальные. От которых забываешь делать вдох. И пламя поднимается откуда-то снизу, от кончиков пальцев ног, которые вечно холодные.

Сначала Степан повернул голову. Посмотрел на нее через плечо. Наверное, увидел остолбеневшую гипсовую фигуру. Женскую. Потом улыбнулся и повернулся к ней. А-ля натюрель.

Собака. Греческая!

Тура только хлопала белыми ресницами. Слов не было.

Почему-то вспомнился альбом с античными статуями и вопрос матери, которая поинтересовалась у Клары Корнеевны, почему у мужских скульптур такое скромное мужское достоинство? На момент разговора Туре исполнилось восемнадцать, а Клара Корнеевна уже находилась во власти возрастных деменций... В общем, разговор продолжился – про достоинства. И было сказано, что у древних греков размер ЭТОГО считался чем-то постыдным. И его сознательно преуменьшали при создании статуй. Торжество духовного над плотским. Идеи эллинизма и всё такое.

Стёпа оказался не совсем греком. То есть не греческой статуей. Одним местом он совершенно не соответствовал канонам древнегреческой скульптуры. Фиговым листком он бы не обошёлся. В лучшем случае – лопухом.

Обжигающее пламя охватило уже всю Туру. Колени, бедра, живот, грудь... Дышать стало трудно. Он смотрел ей прямо в глаза. Варвар, как есть. Собака греческая!

– Нравится?

Тура словно очнулась. Что это с ней? Материнские нимфоманские гены проснулись, точно! Наверное, нимфомания передаётся по наследству. Потому что сейчас Тура была практически готова сорвать с себя одежду и... И иного объяснения нет – тому, что она стоит и пялится. Пялится на то, что уже можно прикрыть только листом лопуха. И то – если лопух хорошо рос.

Она протянула Степану одеяло.

– Вот, возьми. – И бросила в него этим одеялом.

Он схватил и прикрылся. И стало вроде как легче дышать. И получилось повернуться и выйти.

Уже в спину прилетел звук. То ли смешок, то ли хмык. Не стала разбираться, просто дверь хлопнула.

Собака древнегреческая кудрявая!

– Ты что творишь!

Что творит, что творит... отжимается! Потому что в комнате места нет.

Стёпка недовольно приподнялся с пола.

– Что не так?

Тура в гневе застыла на пороге кухни.

– Ты хочешь быть изнасилованным?

– А ты собираешься? Я сопротивляться не буду.

Туре очень хочется отвести взгляд от накачанного мужского торса. Но не получается. Давид-мать-его-Микеланджело. Или Дискбол-чёрт-его-дери-Мирона.

– Я – пас. А вот Елена Прекрасная не устоит. – Тура демонстративно прошла мимо к раковине. Взяла чайник, налила воды. Чиркнула спичкой, зажгла газ. – Изнасилует тебя прямо тут, на кухне, не сходя с места. Мне-то всё равно. Лишь бы дед не услышал – не для его возраста потрясения. Слушай, трахай ее в комнате, а? И по возможности потише. Она шумная, как в порнухе – насмотрелась. Но можно же рот зажать...

Стёпа дослушивать не стал – накинул полотенце на плечи и вышел из кухни. И пообещал себе, что больше без футболки из комнаты не выйдет.

Но и это решение его не спасло от чаровницы Елены Падлыны.

Вечером, после тренировки, Степан, еле живой, открыл ключом дверь квартиры. И тут же наткнулся на Елену Павловну. Та словно поджидала его в коридоре.

– Добрый... э-э-э... вечер. – Степан попытался изобразить уже отработанный манёвр «бочком по стеночке». Не сработало.

На Падловне было что-то блестящее, короткое и обтягивающее. В одной руке она держала бокал, в другой бутылку. Зрелище не для слабонервных.

– Добрый, Стёпочка, – мурлыкнула она. – Хотите бокал вина?

Вот после тренировки – самое оно. Лучше не придумать.

– Спасибо, но мне нельзя.

– Почему? – Она сделала удивлённые глаза, густо чем-то чёрным обведённые.

– Я спортсмен, у меня режим, – Стёпа попытался отделаться дежурной фразой.

– Неужели этот ваш режим никогда-никогда нельзя нарушить?

Елена Павловна привалилась плечом к стене, обширный бюст при этом едва не выпал из выреза прозрачной блузки с блестящими камушками. Не посмотреть даме в декольте было очень сложно. И Стёпа посмотрел. И подумал, что если женщина с такими буферами будет сверху и нечаянно грудями придавит – так и задохнуться можно. Тряхнул головой.

– Нет. У меня игра завтра. Простите, мне надо в душ.

Стёпа, выставив перед собой сумку как щит, бочком-бочком прошмыгнул мимо заградотряда в ванную. И там первым делом проверил крепость защёлки. Ничего, надёжная. Пришлось по второму кругу принимать душ. Под водяными струями на ум пришли слова Матуша. И еще почему-то возник вопрос – темнеют ли от воды волосы цвета льна? И еще он понял, что с Еленой Преужасной он окончательно испортил отношения. И с Турой как-то всё сложно в последнее время. Лишь профессор им доволен – каждый вечер радуется лекциями. И то хлеб.

Проторчав в ванной минут тридцать, он боязливо выглянул в коридор – путь в его комнату был свободен.

В комнате Степан открыл ноутбук и включил скайп.

После пары гудков скайп оповестил о том, что соединение установлено. Только картинка не появилась. Вместо этого из динамиков послышалось знакомый недовольный голос:

– Вот ведь бисова машина... как же тут... да чтоб тебя... А-а, вот!

И экран ноутбука явил светлый лик бабы Василисы. Поверх цветастого платка, повязанного на ее любимый манер, с узлом на лбу, были надеты огромные Лёвкины наушники.

– Вот жеж сотонинская техника! – всплеснула она руками. – Пока разобралась – чуть не померла. Ну, здорова, Стёпка, что ли.

– Привет, ба.

– Схлопочешь сейчас... – Василиса пригрозила ему пальцем.

– Прощения просим, Василиса Карповна, – улыбнулся Степан. Соскучился все-таки по Василисе, несмотря на ее тяжёлый характер. Родная бабка, вырастила их с Лёликом. – Как у вас дела? Где Лёвка?

– На рынок послала. – Василиса с несвойственной ее движениям неуверенностью поправила на голове наушники. – Рыбу буду на обед жарить. Ты сам-то как? Бледный чего-то. Совсем у вас там солнца не бывает, что ль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.